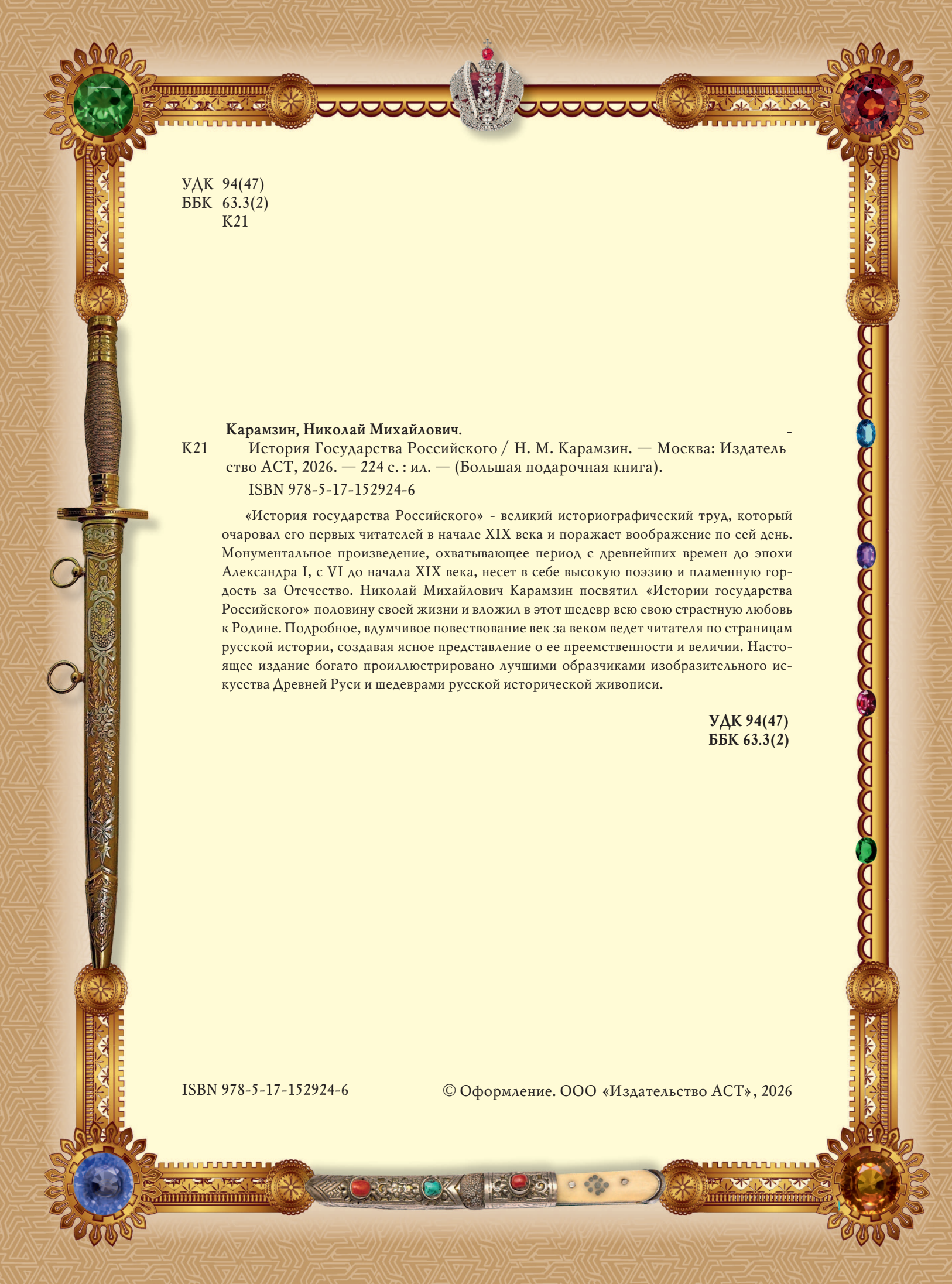

Н. М. КАРАМЗИН

История государства Российского

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К21

Карамзин, Николай Михайлович.

К21 История Государства Российского / Н. М. Карамзин. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 224 с. : ил. — (Большая подарочная книга).
ISBN 978-5-17-152924-6

«История государства Российского» - великий историографический труд, который очаровал его первых читателей в начале XIX века и поражает воображение по сей день. Монументальное произведение, охватывающее период с древнейших времен до эпохи Александра I, с VI до начала XIX века, несет в себе высокую поэзию и пламенную гордость за Отечество. Николай Михайлович Карамзин посвятил «Истории государства Российского» половину своей жизни и вложил в этот шедевр всю свою страстную любовь к Родине. Подробное, вдумчивое повествование век за веком ведет читателя по страницам русской истории, создавая ясное представление о ее преемственности и величии. Настоящее издание богато проиллюстрировано лучшими образчиками изобразительного искусства Древней Руси и шедеврами русской исторической живописи.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-17-152924-6

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026

Николай Михайлович Карамзин и его «История Государства Российского»

Писатель и историк Николай Михайлович Карамзин родился 1 декабря (12 н. с.) 1766 года в селе Михайловка Симбирской губернии в семье помещика. Получил хорошее домашнее образование.

В 14 лет начал учиться в Московском частном пансионе профессора Шадена. Окончив его в 1783 году, приехал в Преображенский полк в Петербурге, где познакомился с молодым поэтом и будущим сотрудником своего «Московского журнала» Дмитриевым. Тогда же опубликовал свой первый перевод идиллии С. Геснера «Деревянная нога». Уйдя в отставку в чине подпоручика в 1784 году, переехал в Москву, стал одним из деятельных участников журнала «Детское чтение для сердца и разума», издававшегося Н. Новиковым, и сблизился с масонами. Занялся переводами религиозно-нравоучительных сочинений. С 1787 года регулярно публиковал свои переводы «Времен года» Томсона, «Деревенских вечеров» Жанлис, трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь», трагедии Лессинга «Эмилия Галотти».

В 1789 году в журнале «Детское чтение...» появилась первая оригинальная повесть Карамзина «Евгений и Юлия». Весной он отправился в путешествие по Европе: посетил Германию, Швейцарию, Францию, где наблюдал деятельность революционного правительства. В июне 1790 года из Франции переехал в Англию.

Осенью возвратился в Москву и вскоре предпринял издание ежемесячного «Московского журнала», в котором была напечатана большая часть «Писем русского путешественника», повести «Лиодор», «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Флор Силин», очерки, рассказы, критические статьи и стихотворения. К сотрудничеству в журнале Карамзин привлек Дмитриева и Петрова, Хераскова и Державина, Львова Нелединского-Мелецкого и др. Статьи Карамзина утверждали новое литературное направление — сентиментализм. В 1790-е годы Карамзин издавал первые русские альманахи — «Аглая» и «Аониды». Наступил 1793 год, когда на третьем этапе Французской революции была установлена якобинская диктатура, потравившая Карамзина

своей жестокостью. Диктатура возбудила в нем сомнения в возможности для человечества достичь благоденствия. Философия отчаяния и фатализма пронизывает новые его произведения: повести «Остров Борнгольм» (1793); «Сиерра-Морена» (1795); стихотворения «Меланхолия», «Послание к А. А. Плещееву» и др.

К середине 1790-х годов Карамзин стал признанным главой русского сентиментализма, открывавшего новую страницу в русской литературе. Он был непревзойденным авторитетом для Жуковского, Батюшкова, юного Пушкина.

В 1802–1803 годах Карамзин издавал журнал «Вестник Европы», в котором преобладали литература и политика. В критических статьях Карамзина вырисовывалась новая эстетическая программа, что способствовало становлению русской литературы как национально-самобытной. Ключ самобытности русской культуры Карамзин видел в истории. Наиболее яркой иллюстрацией его взглядов стала повесть «Марфа Посадница». В своих политических статьях Карамзин обращался с рекомендациями к правительству, указывая на роль просвещения.

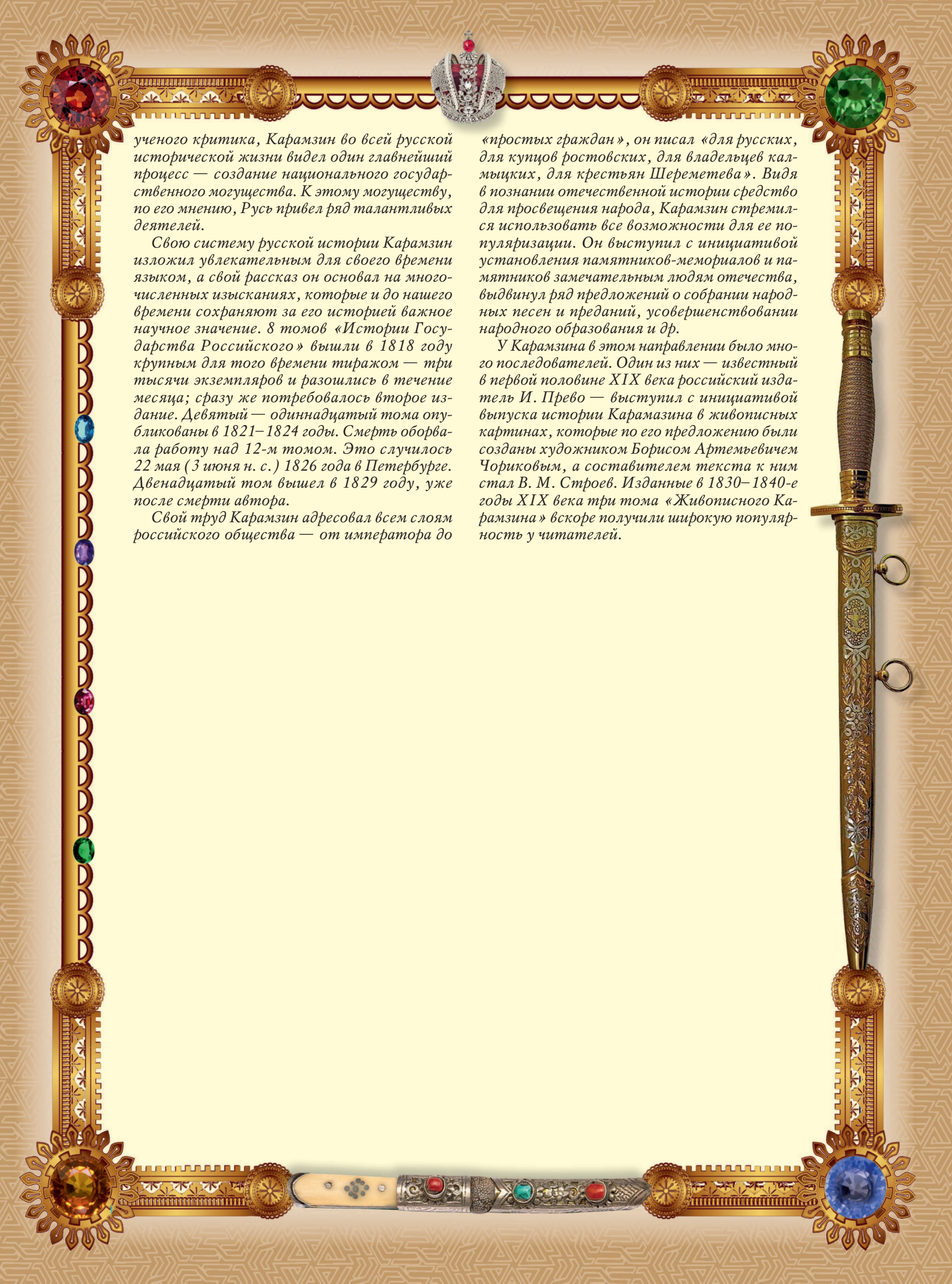
Стараясь воздействовать на царя Александра I, Карамзин передал ему свою «Записку о древней и новой России» (1811), вызвав его раздражение. В 1819 году подал новую записку — «Мнение русского гражданина», вызвавшую еще большее неудовольствие царя. Однако Карамзин не отказался от веры в спасительность просвещенного самодержавия и позднее осудил восстание декабристов. Однако Карамзина-художника по-прежнему высоко ценили молодые писатели, даже не разделявшие его политических убеждений.

В 1803 году через посредство М. Муравьева Карамзин получил официальное звание придворного историографа. Это дало писателю практически неограниченный доступ к архивам.

В 1804 году он приступил к созданию «Истории Государства Российского», над которой работал до конца дней, но не завершил.

Обладая цельным мировоззрением, литературным талантом и приемами хорошего

ученого критика, Карамзин во всей русской исторической жизни видел один главнейший процесс — создание национального государственного могущества. К этому могуществу, по его мнению, Русь привел ряд талантливых деятелей.

Свою систему русской истории Карамзин изложил увлекательным для своего времени языком, а свой рассказ он основал на многочисленных изысканиях, которые и до нашего времени сохраняют за его историей важное научное значение. 8 томов «Истории Государства Российского» вышли в 1818 году крупным для того времени тиражом — три тысячи экземпляров и разошлись в течение месяца; сразу же потребовалось второе издание. Девятый — одиннадцатый тома опубликованы в 1821–1824 годы. Смерть оборвала работу над 12-м томом. Это случилось 22 мая (3 июня н. с.) 1826 года в Петербурге. Двенадцатый том вышел в 1829 году, уже после смерти автора.

Свой труд Карамзин адресовал всем слоям русского общества — от императора до

«простых граждан», он писал «для русских, для купцов ростовских, для владельцев казачьих, для крестьян Шереметева». Видя в познании отечественной истории средство для просвещения народа, Карамзин стремился использовать все возможности для ее популяризации. Он выступил с инициативой установления памятников-мемориалов и памятников замечательным людям отечества, выдвинул ряд предложений о сборе народных песен и преданий, усовершенствовании народного образования и др.

У Карамзина в этом направлении было много последователей. Один из них — известный в первой половине XIX века российский издатель И. Прево — выступил с инициативой выпуска истории Карамзина в живописных картинах, которые по его предложению были созданы художником Борисом Артемьевичем Чориковым, а составителем текста к ним стал В. М. Строев. Изданные в 1830–1840-е годы XIX века три тома «Живописного Карамзина» вскоре получили широкую популярность у читателей.

Предисловие

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории, и смотрят на ее листы как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродно человеку, и просвещенному и дикому. На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят Историю: старец указывает юноше на высо-

кую могилу и повествует о делах лежащего в ней Героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены Вере и Деесписанию; омраченный густою сению невежества народ с жадностью внимал сказаниям Летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отвергая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая Царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая История, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. Истинный Космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого, и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками, и немые предметы — красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной Державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков

«Святые Владимира Святославича у Рогволода» (слева), «Рогволод беседует с Рогнедой» (справа).

Миниатюра

Радзивилловской летописи. XV в.

Африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами Естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, холодными и жаркими климатами; как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разнообразных, и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке Россия имеет своих Диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостью и мужеством снискал господство над седьмою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему Географии, Истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями Христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого не Русского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей: ибо Греция и Рим были народными Державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание Россиян при Донском, падение Новагорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время Междоцарствия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы *Храбрые*, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверский, столь знаменитый великодушною смертию, злополучный, истинно мужественный Александр Невский; Герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государственование Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере не знаю Монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя Самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов, достойный своего счастья и несчастья, странный лже-Димитрий, и за сонмом доблестных Патриотов, Бояр и граждан, наставник трона, Первосвятитель Филарет с Державным сыном, светоносцем во тьме наших государственных бедствий, и Царь Алексей, мудрый отец Императора, коего назвала Великим Европа. Или вся Новая Исто-

рия должна безмолвствовать, или Российская иметь право на внимание.

Знаю, что битвы нашего Удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для Прагматика, ни красотами для живописца; но История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Не будем суеверны в нашем высоком понятии о Деяниях Древности. Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, что останется? голый рассказ о междоусобии Греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегава Дому. Не много разности, если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы Трагедии и статуи Фидиасовы. Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика; с жалостию на рассеянные в лесу кости и доспехи Легиона

«Смерть Володаря и Василько Ростиславичей». Лицевой летописный свод

«Убийство Игоря Ольговича».
Радзивилловская летопись.

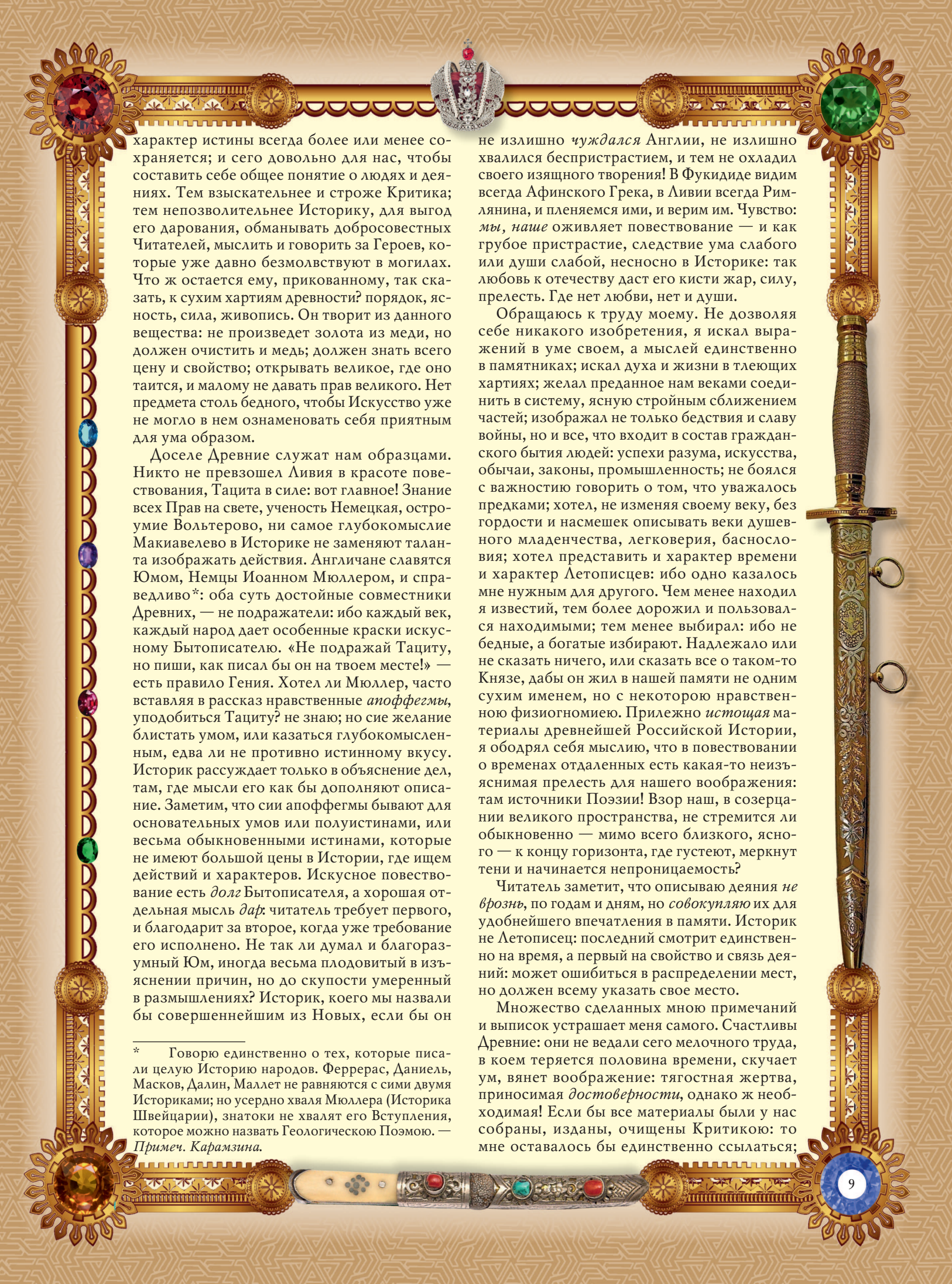
Варова; с ужасом на кровавый пир неистовых Римлян, освещаемых пламенем Капитолия; с омерзением на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканских добродетелей в столице мира: но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой Некролог Римских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета; а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее Половецких набегов. — Одним словом, чтение всех Историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием.

Историк России мог бы конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе Государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной картине и начать обстоятельное повествование с Иоаннова времени, или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц, вместо многих книг, трудных для Автора, утомительных для Читателя. Но сии обозрения, сии картины не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново Введение в Историю Карла V, тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих — тогда знаем Историю. Хвастливость Авторского красноречия и нега Читателей осудят ли на вечное забвение дела и судьбу наших предков? Они страдали, и своими бедствиями изготовили наше величие: а мы не захотим и слушать о том, ни знать, кого они любили, кого обвиняли в своих несчастиях? Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней Истории; но добрые Россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданскую образованному?.. Так я мыслил, и писал об

Игорях, о Всеволодах, как современник, смотря на них в тусклое зеркало древней Летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением; и если, вместо живых, целых образов представлял единственно тени, в отрывках, то не моя вина: я не мог дополнять Летописи!

Есть три рода Истории: первая современная, например Фукидида, где очевидный свидетель говорит о происшествии; вторая, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; третья извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века*. В первой и второй блистает ум, воображение Деписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда творит, не боясь обличения; скажет: я так видел, так слышал — и безмолвная Критика не мешает Читателю наслаждаться прекрасными описаниями. Третий род есть самый ограниченный для таланта: не лезя прибавить ни одной черты к известному; не лезя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали — или справедливая Критика заградит уста легкомысленному Историк, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в Летописях, в Архивах. Древние имели право вымышлять речи согласно с характером людей, с обстоятельствами: право, неоцененное для истинных дарований, и Ливий, пользуясь им, обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений. Но мы, вопреки мнению Аббата Мабли, не можем ныне витийствовать в Истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее; здравый вкус оставил неизменные правила и навсегда отлучил Деписание от Поэмы, от цветников красноречия, оставив в удел первому быть верным зеркалом минувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных Героями веков. Самая прекрасная выдуманная речь безобразит Историю, посвященную не славе Писателя, не удовольствию Читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы. Как Естественная, так и Гражданская История не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть могло. Но История, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примес лжи, однако ж

* Только с Петра Великого начинаются для нас словесные предания: мы слышали от своих отцев и дедов об нем, о Екатерине I, Петре II, Анне, Елисавете, многое, чего нет в книгах. — Примеч. Карамзина.

характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и действиях. Тем взыскательнее и строже Критика; тем непозволительнее Историк, для выгод его дарования, обманывать добросовестных Читателей, мыслить и говорить за Героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах. Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится, и малому не давать прав великого. Нет предмета столь бедного, чтобы Искусство уже не могло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом.

Доселе Древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе: вот главное! Знание всех Прав на свете, ученость Немецкая, остроумие Вольтеро, ни самое глубокомыслие Макиавелево в Историке не заменяют таланта изображать действия. Англичане славятся Юмом, Немцы Иоанном Мюллером, и справедливо*: оба суть достойные совместники Древних, — не подражатели: ибо каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному Бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоём месте!» — есть правило Гения. Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные апофегмы, уподобиться Тациту? не знаю; но сие желание блистать умом, или казаться глубокомысленным, едва ли не противно истинному вкусу. Историк рассуждает только в объяснение дел, там, где мысли его как бы дополняют описание. Заметим, что сии апофегмы бывают для основательных умов или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в Истории, где ищем действий и характеров. Искусное повествование есть долг Бытописателя, а хорошая отдельная мысль дар: читатель требует первого, и благодарит за второе, когда уже требование его исполнено. Не так ли думал и благородный Юм, иногда весьма плодovitый в изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях? Историк, коего мы называли бы совершеннейшим из Новых, если бы он

* Говорю единственно о тех, которые писали целую Историю народов. Феррерас, Даниель, Масков, Далин, Маллет не равняются с сими двумя Историками; но усердно хваля Мюллера (Историка Швейцарии), знатоки не хвалят его Вступления, которое можно назвать Геологическою Поэмою. — Примеч. Карамзина.

не излишно *чуждался* Англии, не излишно хвалился беспристрастием, и тем не охладил своего изящного творения! В Фукидиде видим всегда Афинского Грека, в Ливии всегда Римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: *мы, наше* оживляет повествование — и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в Историке: так любовь к отечеству даст его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души.

Обращаясь к труду моему. Не позволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер Летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то Князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *источая* материалы древнейшей Российской Истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники Поэзии! Взор наш, в созерцании великого пространства, не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не Летописец; последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. Счастливы Древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скучает ум, вянет воображение: тягостная жертва, приносимая *достоверности*, однако ж необходимая! Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены Критикою: то мне оставалось бы единственно ссылаться;

И пришесть по молению послыды поже
 ша и пласти и сел погракиша и поже
 ша и поградомъ немного днене стои
 ше . и тѣко паггаро петко дошла по
 рдоу многимъ и пономъ и кога тее тѣ
 друтѣи и и зънѣ здратиша и до во
 ден зрѣли и цѣли .

Вѣтъ ѿ мн . Престѣпленіа князѣ
 Дикіи Банѣ днѣ по чѣскалитѣ . пнѣ
 Алексанѣ во пѣ по пнѣ и ѿ гаво елацѣ .

«Смерть Ивана Калиты».
 Миниатюра Лицевого летописного свода

но когда бóльшая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпением. В воле Читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово; малейшая черта древности дает повод к соображениям. С XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее.

Муж ученый и славный, Шлецер, сказал, что наша История имеет пять главных периодов; что Россия от 862 года до Свято-

полка должна быть названа *рождающеюся* (Nascens), от Ярослава до Моголов *разделенною* (Divisa), от Батые до Иоанна III *угнетенною* (Oppressa), от Иоанна до Петра Великого *победоносною* (Victrix), от Петра до Екатерины II *процветающею*. Сия мысль кажется мне более остроумною, нежели основательною. 1) Век Св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не *рождения*. 2) Государство *делилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянию и внешним действиям России надобно означать периоды, то можно ли смешать в один время Великого Князя Димитрия Александровича и Донского, безмолвное рабство с победою и славою? 4) Век Самозванцев ознаменован более злосчастьем, нежели победою. Гораздо лучше, истиннее, скромнее история наша делится на *Древнейшую* от Рюрика до Иоанна III, на *Среднюю* от Иоанна до Петра, и *Новую* от Петра до Александра. Система Уделов была характером *первой* эпохи, Единовластие *второй*, изменение гражданских обычаев *третьей*. Впрочем, нет нужды ставить грани там, где местá служат живым урочищем.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих восьми или девяти Томов, могу по слабости желать хвалы и бояться охудения; но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолубие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть, сделать Российскую Историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого Самодержавия и Святой Веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815

Об источниках Российской истории до XVII века

Сии источники суть:

I) *Летописи*. Нестор, инок Монастыря Киевопечерского, прозванный *отцем* Российской Истории, жил в XI веке: одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказки; видел памятники, могилы Князей; беседовал с Вельможами, старцами Киевскими, путешественниками, жителями иных областей Российских; читал Византийские Хроники, записки церковные, и сделался *первым* Летописцем нашего отечества. *Вторый*, именем Василий, жил также в конце XI столетия: употребленный Владимирским Князем Давидом в переговорах с несчастным Васильком, описал нам великодушие последнего и другие современные деяния юго-западной России. Все иные летописцы остались для нас *безыменными*; можно только угадывать, где и когда они жили: на пример, один в Новгороде, Иерей, посвященный Епископом Нифонтом в 1144 году; другой в Владимире на Клязьме при Всеволоде Великом; третий в Киеве, современник Рюрика II; четвертый в Волынии около 1290 года; пятый тогда же во Пскове. К сожалению, они не сказывали всего, что бывает любопытно для потомства; но, к счастью, не вымышляли, и достовернейшие из Летописцев иноземных согласны с ними. — Сия почти непрерывная цепь Хроник идет до государственования Алексея Михайловича. Некоторые донныне еще не изданы или напечатаны весьма неисправно. Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и продолжателей его суть харатейные, *Пушкинский* и *Троцкий*, XIV и XV века. Достойны также замечания *Ипатьевский*, *Хлебниковский*, *Кенигсбергский*, *Ростовский*, *Воскресенский*, *Львовский*, *Архивский*. В каждом из них есть нечто особенное и действительно историческое, внесенное, как надобно думать, современниками, или по их запискам. *Никоновский* более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, но в XIV веке сообщает вероятные дополнительные известия о Тверском Княжении; далее уже сходствует с другими, уступая им однако ж в исправности, — например, *Архивскому*.

II) *Степенная Книга*, сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению Митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены *степени* или поколения Государей.

III) Так называемые *Хронографы*, или Всеобщая История по Византийским Летописям, со внесением и нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже много подробных *современных* известий, которых нет в летописях.

IV) *Жития Святых*, в Патерике, в Прологах, в Минеях, в особенных рукописях. Многие из сих Биографий сочинены в новейшие времена; некоторые однако ж, например, Св. Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в харатейных Прологах; а Патерик сочинен в XIII веке.

V) *Особенные дееписания*: на пример, сказание о Довмонте Псковском, Александре Невском; современные записки Курбского и Палицына; известия о Псковской осаде в 1581 году, о Митрополите Филиппе, и проч.

VI) *Разряды*, или распределение Воевод и полков: начинаются со времен Иоанна III. Сии рукописные книги не редки.

VII) *Родословная Книга*: есть печатная; исправнейшая и полнейшая, писанная в 1660 году, хранится в Синодальной библиотеке.

VIII) Письменные *Каталоги Митрополитов и Епископов*. — Сии два источника не весьма достоверны; надобно их сверять с летописями.

IX) *Послания Святителей* к Князьям, Духовенству и мирянам; важнейшее из оных есть Послание к Шемяке; но и в других находится много достопамятного.

X) Древние *монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы*: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный.

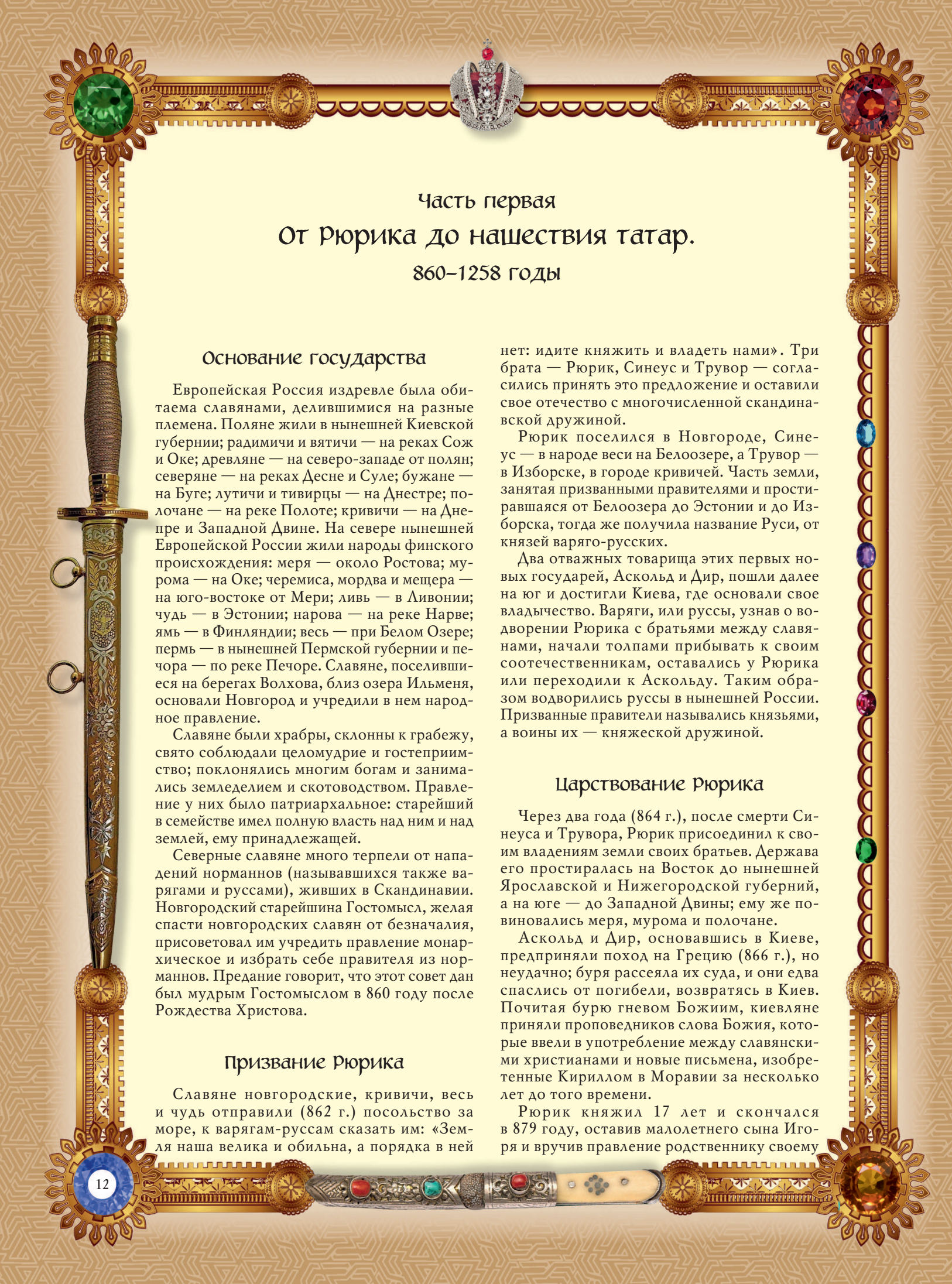
XI) *Грамоты*. Древнейшая из подлинных писана около 1125 года. Архивские Новгородские грамоты и *Душевные записки* Князей начинаются с XIII века; сей источник уже богат, но еще гораздо богатейший есть —

XII) Собрание так называемых *Статейных Списков*, или Посольских дел, и грамот в Архиве Иностранной Коллегии с XV века, когда и происшествия и способы для их описания дают Читателю право требовать уже большей удовлетворительности от Историка. — К сей нашей собственности присовокупляются —

XIII) *Иностранные современные летописи*: Византийские, Скандинавские, Немецкие, Венгерские, Польские, вместе с известиями путешественников.

XIV) *Государственные бумаги иностранных Архивов*: всего более пользовался я выписками из Кенигсбергского.

Вот материалы Истории и предмет Исторической Критики!

Часть первая

От Рюрика до нашествия татар.

860–1258 годы

Основание государства

Европейская Россия издревле была обитаема славянами, делившимися на разные племена. Поляне жили в нынешней Киевской губернии; радимичи и вятичи — на реках Сож и Оке; древляне — на северо-западе от полян; северяне — на реках Десне и Суле; бужане — на Буге; лутичи и тивирцы — на Днестре; полочане — на реке Полоте; кривичи — на Днепре и Западной Двине. На севере нынешней Европейской России жили народы финского происхождения: меря — около Ростова; мурома — на Оке; черемиса, мордва и мещера — на юго-востоке от Мери; ливь — в Ливонии; чудь — в Эстонии; нарова — на реке Нарве; явь — в Финляндии; весь — при Белом Озере; пермь — в нынешней Пермской губернии и печора — по реке Печоре. Славяне, поселившиеся на берегах Волхова, близ озера Ильменя, основали Новгород и учредили в нем народное правление.

Славяне были храбры, склонны к грабежу, свято соблюдали целомудрие и гостеприимство; поклонялись многим богам и занимались земледелием и скотоводством. Правление у них было патриархальное: старейший в семействе имел полную власть над ним и над землей, ему принадлежащей.

Северные славяне много терпели от нападений норманнов (называвшихся также варягами и руссами), живших в Скандинавии. Новгородский старейшина Гостомысл, желая спасти новгородских славян от безначалия, присоветовал им учредить правление монархическое и избрать себе правителя из норманнов. Предание говорит, что этот совет дан был мудрым Гостомыслом в 860 году после Рождества Христова.

Призвание Рюрика

Славяне новгородские, кривичи, весь и чудь отправили (862 г.) посольство за море, к варягам-руссам сказать им: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней

нет: идите княжить и владеть нами». Три брата — Рюрик, Синеус и Трувор — согласились принять это предложение и оставили свое отечество с многочисленной скандинавской дружиной.

Рюрик поселился в Новгороде, Синеус — в народе веси на Белоозере, а Трувор — в Изборске, в городе кривичей. Часть земли, занятая призванными правителями и простиравшаяся от Белоозера до Эстонии и до Изборска, тогда же получила название Руси, от князей варяго-русских.

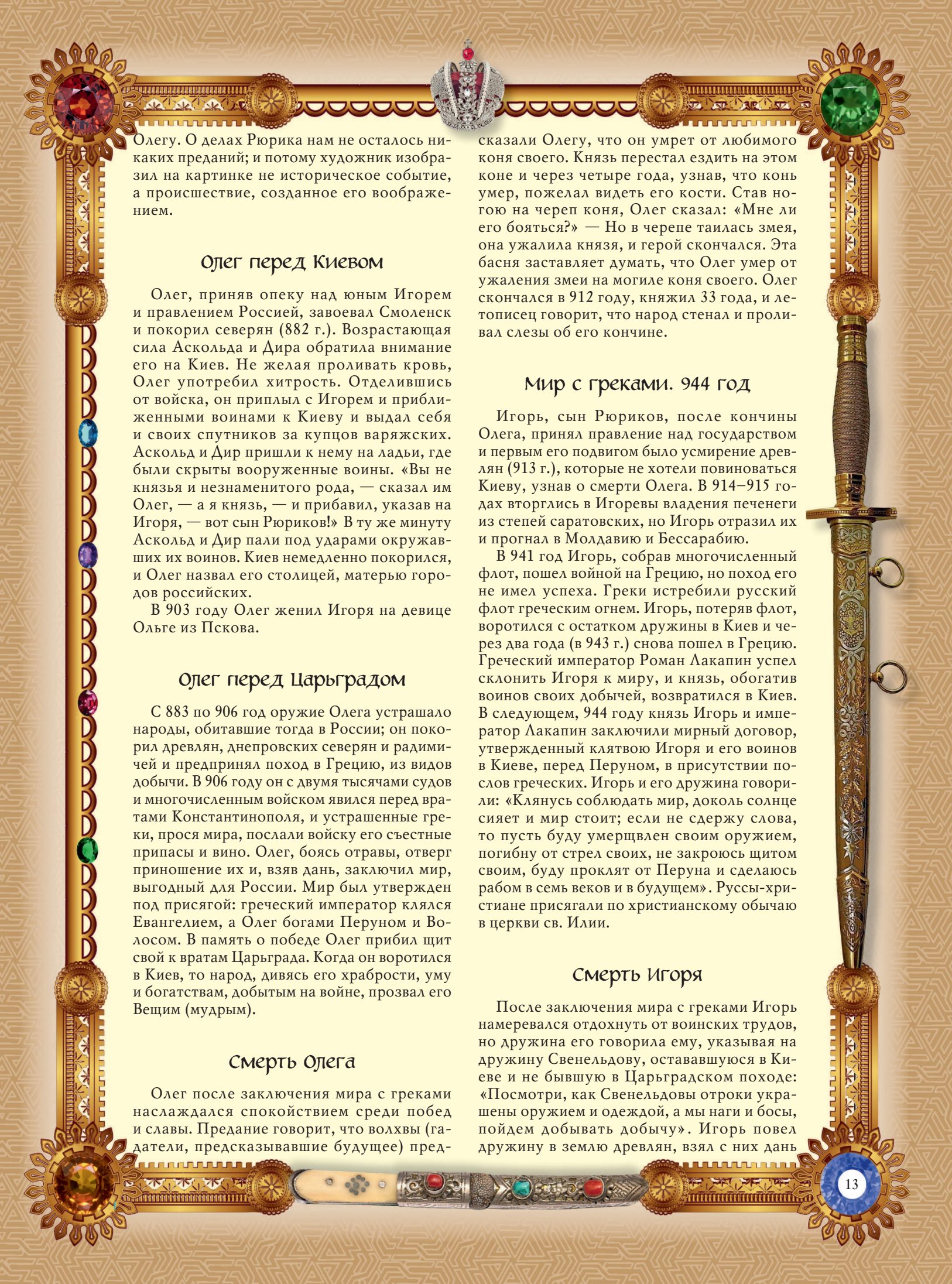
Два отважных товарища этих первых новых государей, Аскольд и Дир, пошли далее на юг и достигли Киева, где основали свое владычество. Варяги, или руссы, узнав о водворении Рюрика с братьями между славянами, начали толпами прибывать к своим соотечественникам, оставались у Рюрика или переходили к Аскольду. Таким образом водворились руссы в нынешней России. Призванные правители назывались князьями, а воины их — княжеской дружиной.

Царствование Рюрика

Через два года (864 г.), после смерти Синеуса и Трувора, Рюрик присоединил к своим владениям земли своих братьев. Держава его простиралась на Восток до нынешней Ярославской и Нижегородской губерний, а на юге — до Западной Двины; ему же повиновались меря, мурома и полочане.

Аскольд и Дир, основавшись в Киеве, предприняли поход на Грецию (866 г.), но неудачно; буря рассеяла их суда, и они едва спаслись от гибели, возвратясь в Киев. Почитая бурю гневом Божиим, киевляне приняли проповедников слова Божия, которые ввели в употребление между славянскими христианами и новые письмена, изобретенные Кириллом в Моравии за несколько лет до того времени.

Рюрик княжил 17 лет и скончался в 879 году, оставив малолетнего сына Игоря и вручив правление родственнику своему

Олегу. О делах Рюрика нам не осталось никаких преданий; и потому художник изобразил на картинке не историческое событие, а происшествие, созданное его воображением.

Олег перед Киевом

Олег, приняв опеку над юным Игорем и правлением Россией, завоевал Смоленск и покорил северян (882 г.). Возрастающая сила Аскольда и Дира обратила внимание его на Киев. Не желая проливать кровь, Олег употребил хитрость. Отделившись от войска, он приплыл с Игорем и приближенными воинами к Киеву и выдал себя и своих спутников за купцов варяжских. Аскольд и Дир пришли к нему на лады, где были скрыты вооруженные воины. «Вы не князья и незнаменитого рода, — сказал им Олег, — а я князь, — и прибавил, указав на Игоря, — вот сын Рюриков!» В ту же минуту Аскольд и Дир пали под ударами окружавших их воинов. Киев немедленно покорился, и Олег назвал его столицей, матерью городов российских.

В 903 году Олег женил Игоря на девице Ольге из Пскова.

Олег перед Царьградом

С 883 по 906 год оружие Олега устрашало народы, обитавшие тогда в России; он покорил древлян, днепровских северян и радимичей и предпринял поход в Грецию, из видов добычи. В 906 году он с двумя тысячами судов и многочисленным войском явился перед воротами Константинополя, и уstraшенные греки, прося мира, послали войску его съестные припасы и вино. Олег, боясь отравы, отверг приношение их и, взяв дань, заключил мир, выгодный для России. Мир был утвержден под присягой: греческий император клялся Евангелием, а Олег богами Перуном и Волосом. В память о победе Олег прибил щит свой к воротам Царьграда. Когда он воротился в Киев, то народ, дивясь его храбрости, уму и богатствам, добытым на войне, прозвал его Вещим (мудрым).

Смерть Олега

Олег после заключения мира с греками наслаждался спокойствием среди побед и славы. Предание говорит, что волхвы (гадатели, предсказывавшие будущее) пред-

сказали Олегу, что он умрет от любимого коня своего. Князь перестал ездить на этом коне и через четыре года, узнав, что конь умер, пожелал видеть его кости. Став ногою на череп коня, Олег сказал: «Мне ли его бояться?» — Но в черепе таилась змея, она ужалила князя, и герой скончался. Эта басня заставляет думать, что Олег умер от ужаления змеи на могиле коня своего. Олег скончался в 912 году, княжил 33 года, и летописец говорит, что народ стонал и проливал слезы об его кончине.

Мир с греками. 944 год

Игорь, сын Рюриков, после кончины Олега, принял правление над государством и первым его подвигом было усмирение древлян (913 г.), которые не хотели повиноваться Киеву, узнав о смерти Олега. В 914–915 годах вторглись в Игоревы владения печенег из степей саратовских, но Игорь отразил их и прогнал в Молдавию и Бессарабию.

В 941 год Игорь, собрав многочисленный флот, пошел войной на Грецию, но поход его не имел успеха. Греки истребили русский флот греческим огнем. Игорь, потеряв флот, воротился с остатком дружины в Киев и через два года (в 943 г.) снова пошел в Грецию. Греческий император Роман Лакапин успел склонить Игоря к миру, и князь, обогатив воинов своих добычей, возвратился в Киев. В следующем, 944 году князь Игорь и император Лакапин заключили мирный договор, утвержденный клятвою Игоря и его воинов в Киеве, перед Перуном, в присутствии послов греческих. Игорь и его дружина говорили: «Клянусь соблюдать мир, доколь солнце сияет и мир стоит; если не сдержу слова, то пусть буду умерщвлен своим оружием, погибну от стрел своих, не закроюсь щитом своим, буду проклят от Перуна и сделаюсь рабом в семь веков и в будущем». Руссы-христиане присягали по христианскому обычаю в церкви св. Илии.

Смерть Игоря

После заключения мира с греками Игорь намеревался отдохнуть от воинских трудов, но дружина его говорила ему, указывая на дружину Свенельдову, остававшуюся в Киеве и не бывшую в Царьградском походе: «Посмотри, как Свенельдовы отроки украшены оружием и одеждой, а мы наги и босы, пойдем добывать добычу». Игорь повел дружину в землю древлян, взял с них дань

и пустился в Киев; но с дороги опять воротился и требовал новой дани. Древлянские послы встретили его и говорили: «Князь! Мы все заплатили тебе; для чего опять идешь к нам?» Игорь, не слушая их, шел далее. Тогда древляне составили совет и говорили: «Если не убить волка, то все стадо перетаскает». Вышли навстречу к Игорю и убили его со всей дружиной.

Игорь погиб в 945 году, княжив 32 года.

Великая княгиня Ольга

Святослав, сын Игоря, был еще малолетен во время смерти отца своего, и правление было поручено матери его, Ольге. Войском начальствовал полководец Свенельд. Ольга прежде всего отомстила убийцам Игоря, приказав избить более 3 тысяч древлян на Игоровой могиле: так совершила она тризну (поминки) по супруге своему. В 946 году она покорила древлянскую землю, а в 947-м поехала в Новгородскую область, учреждая везде, где проезжала, порядок и дани. Возвратясь в Киев к Святославу, она передала ему правление; здесь заканчиваются ее гражданские подвиги и начинается ее слава в нашей церковной истории.

Крещение княгини Ольги

Удалясь от дел гражданских, Ольга беседовала с христианами, бывшими в Киеве, и училась у их церковных пастырей. Пленясь христианским учением, она захотела быть христианкой и в 955 году отправилась креститься в Константинополь. Там патриарх был ее наставником и крестителем, а император Константин Багрянородный восприемником от купели (крестным отцом).

Ольга, возвратившись в Киев, старалась просветить Святослава учением христианской веры, но юный царь не внимал ей и отвечал: «Могу ли один принять новый закон, чтобы дружина моя смеялась надо мною?» Впрочем, он не запрещал никому принимать христианскую веру, а сам остался в язычестве.

Великодушный поступок молодого киевлянина

Святослав начал подвиги свои покорением вятичей (965 г.); потом в 966 году победил ясов и касогов (нынешних осетинцев и черкесов на Кавказе). Исполняя желание греческо-

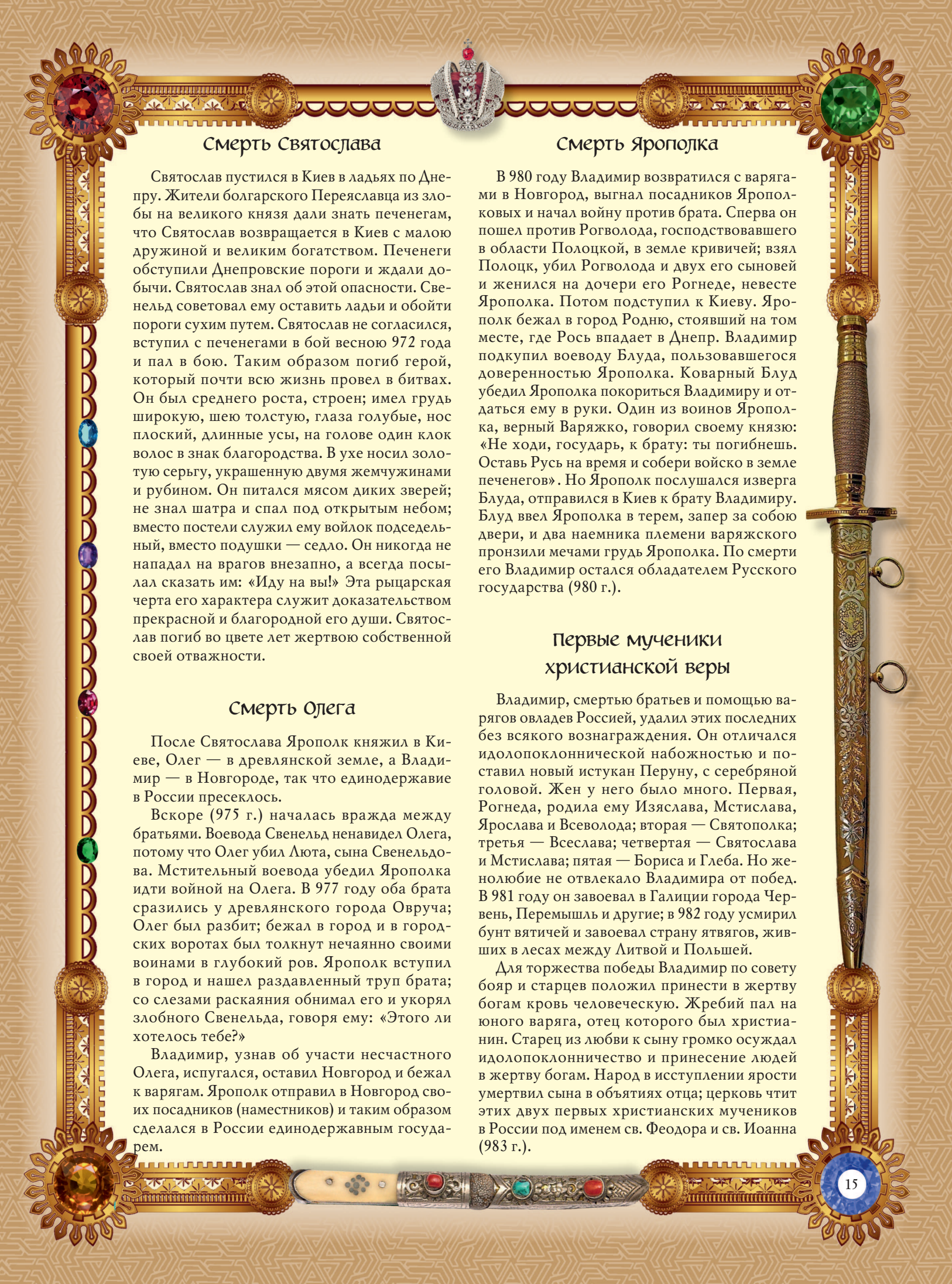
го императора Никифора Фоки, Святослав в 967 году пошел на болгар и завоевал их города. Болгарский царь Петр умер от печали, а Святослав поселился в болгарском городе Переяславце.

Печенеги, узнав об отсутствии Святослава, напали на Киев (968 г.). На другой стороне Днепра стоял воевода Претич, но не имел сообщения с осажденными киевлянами. Один смелый киевский отрок вышел из Киева с уздой в толпу неприятелей и, говоря языком печенежским, спрашивал своего коня. Печенеги, почитая его своим воином, дали ему дорогу. Отрок переплыл через Днепр и уведомил Претича, который пошел на помощь Киеву. Увидев войско, печенеги заключили мир и удалились от города. Узнав об этом, Святослав прибыл в Киев. В 969 году Ольга скончалась, Святослав снова захотел жить в Болгарии и для этого разделил свои владения между сыновьями: Ярополку дал Киев, Олегу — землю древлянскую, а Владимира отпустил в Новгород; сам же в 970 году отправился в Болгарию.

Битва у Адрианополя

Возвратясь в Болгарию, Святослав нашел не подданных, а врагов; взял приступом город Переяславец, завоевал снова Болгарское царство и поселился в нем. Греческий император Иоанн Цимисхий, опасаясь такого грозного соседа, требовал, чтобы Святослав оставил Болгарию. Святослав не соглашался, завязалась война. Великий князь с венграми и печенегами вступил во Фракию (970 г.) и опустошил ее до Адрианополя. Тут произошла кровопролитная битва. Святослав, обозрев полки неприятельские, сказал дружине: «Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посраим земли Русской, но ляжем здесь костью: мертвым стыда нет! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу свою голову, тогда делайте, что хотите». Русская дружина ринулась на греков, которые не устояли и были разбиты. Успехи Святослава оружие были остановлены миром с императором Цимисхием.

В следующем году (971 г.) Цимисхий взял Переяславец и сошелся со Святославом близ Доростола (нынешней Силистрии). Пораженный Святослав заперся в этом городе. После многих битв и примеров отчаянной храбрости Святослав решил на мир с Цимисхием, заключил договор и отправился в отечество.

Смерть Святослава

Святослав пустился в Киев в ладьях по Днепру. Жители болгарского Переяславца из злобы на великого князя дали знать печенегам, что Святослав возвращается в Киев с малою дружиной и великим богатством. Печенеги обступили Днепровские пороги и ждали добычи. Святослав знал об этой опасности. Свенельд советовал ему оставить ладьи и обойти пороги сухим путем. Святослав не согласился, вступил с печенегами в бой весной 972 года и пал в бою. Таким образом погиб герой, который почти всю жизнь провел в битвах. Он был среднего роста, строен; имел грудь широкую, шею толстую, глаза голубые, нос плоский, длинные усы, на голове один клок волос в знак благородства. В ухе носил золотую серьгу, украшенную двумя жемчужинами и рубином. Он питался мясом диких зверей; не знал шатра и спал под открытым небом; вместо постели служил ему войлок подседельный, вместо подушки — седло. Он никогда не нападал на врагов внезапно, а всегда посылал сказать им: «Иду на вы!» Эта рыцарская черта его характера служит доказательством прекрасной и благородной его души. Святослав погиб во цвете лет жертвою собственной своей отважности.

Смерть Олега

После Святослава Ярополк княжил в Киеве, Олег — в древлянской земле, а Владимир — в Новгороде, так что единодержавие в России пресеклось.

Вскоре (975 г.) началась вражда между братьями. Воевода Свенельд ненавидел Олега, потому что Олег убил Люта, сына Свенельдова. Мстительный воевода убедил Ярополка идти войной на Олега. В 977 году оба брата сразились у древлянского города Овруча; Олег был разбит; бежал в город и в городских воротах был толкнут нечаянно своими воинами в глубокий ров. Ярополк вступил в город и нашел раздавленный труп брата; со слезами раскаяния обнимал его и укорял злобного Свенельда, говоря ему: «Этого ли хотелось тебе?»

Владимир, узнав об участи несчастного Олега, испугался, оставил Новгород и бежал к варягам. Ярополк отправил в Новгород своих посадников (наместников) и таким образом сделался в России единодержавным государем.

Смерть Ярополка

В 980 году Владимир возвратился с варягами в Новгород, выгнал посадников Ярополковых и начал войну против брата. Сперва он пошел против Рогволода, господствовавшего в области Полоцкой, в земле кривичей; взял Полоцк, убил Рогволода и двух его сыновей и женился на дочери его Рогнеде, невесте Ярополка. Потом подступил к Киеву. Ярополк бежал в город Родню, стоявший на том месте, где Рось впадает в Днепр. Владимир подкупил воеводу Блуда, пользовавшегося доверенностью Ярополка. Коварный Блуд убедил Ярополка покориться Владимиру и отдать ему в руки. Один из воинов Ярополка, верный Варяжко, говорил своему князю: «Не ходи, государь, к брату: ты погибнешь. Оставь Русь на время и собери войско в земле печенегов». Но Ярополк послушался изверга Блуда, отправился в Киев к брату Владимиру. Блуд ввел Ярополка в терем, запер за собою двери, и два наемника племени варяжского пронзили мечами грудь Ярополка. По смерти его Владимир остался обладателем Русского государства (980 г.).

Первые мученики христианской веры

Владимир, смертью братьев и помощью варягов овладев Россией, удалил этих последних без всякого вознаграждения. Он отличался идолопоклоннической набожностью и поставил новый истукан Перуну, с серебряной головой. Жен у него было много. Первая, Рогнеда, родила ему Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода; вторая — Святополка; третья — Всеслава; четвертая — Святослава и Мстислава; пятая — Бориса и Глеба. Но женолюбие не отвлекало Владимира от побед. В 981 году он завоевал в Галиции города Червень, Перемышль и другие; в 982 году усмирив бунт вятичей и завоевал страну ятвягов, живших в лесах между Литвой и Польшей.

Для торжества победы Владимир по совету бояр и старцев положил принести в жертву богам кровь человеческую. Жребий пал на юного варяга, отец которого был христианин. Старец из любви к сыну громко осуждал идолопоклонничество и принесение людей в жертву богам. Народ в исступлении ярости умертвил сына в объятиях отца; церковь чтит этих двух первых христианских мучеников в России под именем св. Феодора и св. Иоанна (983 г.).